

Владимир
ЛАЗАРЕВ

«ПУШКИН... в смену эпох воскресает к новой жизни», — заметил философ С.Л. Франк в статье «Пушкин как политический мыслитель», вышедшей отдельным изданием в Белграде в 1937 году. В этом, разумеется, заключена потенция новых открытий: в XX веке в Пушкине разглядели то, чего не видели в XIX-м, в XXI веке обнаружат свою обжигающую свежесть и новый смысл, неведомый еще нам в пушкинских текстах. Тот же Франк в другом месте замечает: «...пушкиноведение совсем не совпадает с познанием Пушкина, а есть лишь подсобная для последнего область знания». Это писалось в период трагического и притом обостренного раздвоения русской культуры. Но вернемся несколько на-

зад. Серебряный век русской культуры, давший миру замечательные имена, зачаровывает интеллектуального читателя, ибо долгое время продирался к читательскому сознанию сквозь тернии и рогатки цензуры. И вот раскрылся во всей своей полноте. Не только серебряный свет излучается оттуда. Не только «серебряный» знак качества стоит на этом многообразном явлении. Но и некий наркотический дух блуждает в нем. Некая зыбкость. Запах увядающих цветов, жизненный надрыв. Зловещее облако декаданса.

Сдвиг всех культурных слоев, «сокальзывание к ухабам» (выражение Георгия Адамовича), как мы видим, стало предвестником всенародной трагедии.

Раздвоенность культуры — явление, на которое указывал еще А.Блок, явление страшное в жизни народа, куда более страшное, чем может показаться на первый взгляд. Все русское гуманитарное, связанное с христианской этикой, изгонялось и, в основном, оказалось за рубежами Отечества. СССР в этом смысле поднимался на выжженной земле, подобно тому как в больших городах, в той же Москве, новые увеселительные парки, скверы, спортивные кварталы поднимались на месте разрушенных кладбищ. И стоят на костях. «Забывать прошлое» — вот знак содеянного. Потерять притяжение прошлого и радоваться будущему. Некое подобие света заволакивало молодые поколения. Но подобие света не есть солнечный свет, это скорее — свет сатанинский. Трагедия русского рассеяния, как оказалось, заполнила весь XX век и станет одним из его знаков.

Мне не представляются удачными попытки след за «серебряным» определять следующие этапы культуры нашего века как «бронзовый» или «железный» и т.д. Скорее, можно назвать наш век трагическим, разломным веком нашей культуры.

Однако в русском небе оставался Пушкин (так же как Гоголь, Л.Толстой, Достоевский...), хотя и светил по-разному в этом раздвоении. Раздвоенность культуры как бы раздвоила и образ Пушкина в мировоззренческом плане. В Пушкине Русского Зарубежья — иной смысл. Это иной образ и иной символ, чем Пушкин советской идеологии в литературоведении, кинематографе, театре, беллетристике.

Разумеется, резкая граница прошла по линии оценок пушкинского мировоззрения. Атеизм Пушкина всеобъемно утверждался в СССР. И все более «религиозность Пушкина» по-новому осмысливалась эмиграцией. В.В. Вересаев, сторонник несерьезности религиозных взглядов Пушкина, пытается опровергнуть противоположное суждение Владислава Ходасевича. Тот же Франк пишет специ-

ально исследование «Религиозность Пушкина» (опубликовано в Париже в 1933 году в религиозно-философском журнале «Путь», № 40). И так далее. Социалистический реализм во всей своей разветвленности на дух не принимал такого рода соображений.

Думаю, что как художественное явление «социалистический реализм» — это фикция, как не может быть, скажем, реализм — утопическим. Это вещи несовместимые. Но подлинно существовал в советской литературе (и, возможно, существует) социалистический романтизм — разновидность того, что Томас Манн определял как «варварский романтизм». В свете этого самого

бы его замечательную статью-речь «Жребий Пушкина»), Г.Федотова, П.Струве, С.Франка, автора «Этюд о Пушкине», Д.Мережковского, В.Ходасевича, И.Бунина, И.Ильина, Ф.Степуна, Г.Адамовича, малоизвестного в литературе, жившего в Японии А.А. Ванновского...

Филолог-славист А.Бем, бывший до 1919 года ученым хранителем отдела рукописей Библиотеки Российской Академии наук в Петрограде, в эмиграции, в Праге, выпустил специальный «Пушкинский сборник» (1929 г.). Можно привести немало и других примеров. Пушкин был опорно необходим русским в эмиграции.

Лит. Россия. — 1999. — 28 мая. — с. 6.

ПУШКИНСКИЙ КОНТРАПУНКТ ИЛИ УБЫЛЬ ПУШКИНСКОГО ДУХА?

«варварского романтизма» зачастую видоизменялись, искажались и черты смыслового пушкинского портрета. Оскорбленное чувство, чувство ненависти к прошлому сублимировалось в позицию защиты пушкинского образа от гонителей поэта. Наиболее ярко это выразил Эдуард Багрицкий в 1924 году в стихах о «Пушкине отщепенном»: «Я мстил за Пушкина под Перекопом, я Пушкина через Урал пронес, я с Пушкиным шатался по окопам, покрытый вшами, голоден и бос!» За этими стихами следует длинная вереница защитников Пушкина, вплоть до удачливого автора, лауреата Государственной премии СССР, которому «приснился сон, что Пушкин был спасен!». Сам автор, разумеется, присвоил себе роль благородного рыцаря. Таков был уровень мышления многих официально признанных стихотворцев.

Никита Струве, вспоминая Ивана Бунина, замечает: «Властным почерком он разукрасил лист Литературной энциклопедии на букву «Б» (Советская литературная энциклопедия 1929 года. — **Вл.Л.**). Портрет во всю страницу Демьяна Бедного снабдил следующим решительным комментарием: «Этот мерзавец, этот скот называется в Москве поэтом». Но и в мире разрушения высоких этических ценностей Пушкин, пусть в усеченном, искаженном виде, оставался. Он свидетельствовал о поруганной классической традиции, выросшей на высоких духовных ценностях христианской культуры. Отсюда (при всех еговольностях) воспитательная роль Пушкина в этот период в нашем Отечестве сильно возросла, ибо духовная христианская жизнь повсеместно преследовалась, изгонялась, искоренялась.

Для русской литературы и в целом культуры в изгнании Пушкин был носителем памяти, хранителем русского сознания, опорой и надеждой на восстановление распавшейся «связи времен», на Воскресение России. Н.А. Струве пишет: «Октябрьская революция — университетская пугачевщина, по пророческому определению Жозефа де Местра, — была победой антипушкинского начала, которое выразилось еще до этого в писаревщине и в требовании Маяковского сбросить Пушкина с «корабля современности».

Еще в 1925 году в тринадцати странах русского рассеяния прошел праздник «День русской культуры», связанный с днем рождения А.С.Пушкина.

Заново и глубоко был осмыслен образ Пушкина в статьях, выступлениях, исследованиях С.Булгакова (вспомним хотя

Услышанные случайно строки Пушкина, произносимые в быту, где-нибудь в соседней комнате, звучащие легко и непринужденно, вызвали у изгнанников острейшее чувство утраченного. Это свидетельство многих. Пушкинские строки ощущались точно легкое дыхание живой культуры, гармоничное ее воплощение.

В своей речи на торжественном заседании Богословского института в Париже 28 февраля 1937 года («Жребий Пушкина») о. Сергей Булгаков замечал, что Пушкинский юбилей «переживается» — «как праздник России». Это в разгар человеческой трагедии на Родине и во время собственного пребывания в изгнании. И между тем — в этом правда: переживание праздника, вспышки чудесного внутреннего света, надежды при трагическом состоянии русского духа. Далее, у Булгакова: «Этот праздник должен пробуждать в нас искренность в почитании Пушкина, выявлять подлинную к нему любовь. Никакая любовь не может ограничиться лишь одним ее словословием или услаждением пленительной сладостью его поэзии. Она должна явиться и серьезным ответственным делом, подвигом правды в стремлении понять Пушкина в его творче-

стве, как и в нем самом. О том, кому дано сотворить великое, надлежит знать то, что еще важнее, нежели его творение. Это есть его жизнь, не только как фактическая биография или литературная история творчества, но как подвиг души его, ее высшая правда и ценность. Пушкин не только есть великий писатель, нет, он имеет и свою религиозную судьбу, как Гоголь или Толстой, или Достоевский, и, может быть, даже более значительную и, во всяком случае, более таинственную».

И далее — чрезвычайно важно замечание философа и богослова, протоиерея Булгакова: «Пушкин прошел мимо предобного Серафима, его не приметя (Серафим Саровского (1780 — 1833), мона-

ха Саровской пустыни. — **Вл.Л.**). Очевидно, не на путях исторического, бытового и даже мистического православия пролегла основная магистраль его жизни, судьбы его. Ему был свойственен свой личный путь и особый удел — *предстояние перед Богом в служении поэта*. Это проникновение С.Н. Булгакова в метафизическую сущность Пушкина представляется мне гениальным, ни с чем не сравнимым. И если воспринимать Пушкина так, по-булгаковски, то есть как «чудесное явление России, ее как бы апофеоз», то трагическая оборванность этого явления в пределах земного бытия заставляет с великой тревогой и мужеством всматриваться в саму сущность России, которую все мы чувствуем неразделимо от Пушкина. На что указывает эта великая жизнь, на какую мысль наводит, чему учит? Столетие со дня смерти Пушкина пришлось на 1937 год, *двухсотлетие со дня рождения — на наше трагически-смутное время*. Н.В. Гоголь в эгкстатическом воодушевлении восклицал, что Пушкин — это русский человек через двести лет. Странное предсказание. Да и предсказание ли? Возможно, лишь условная максима. В самом деле, человеку не дано верное чувство временной протяженности за пределами жизни, бега времени (не гибельное же состояние личности и народа в целом имел в виду Гоголь!).

Сейчас, когда русская культура стремится обрести свою целостность, когда возвращение на Родину многих запретных ранее имен и творений вызвало некий непостоянный, возможно, драматический диалог разных форм сознания, образ Пушкина приобретает новое значение. *Возвращение изгнанной культуры — далеко от идилличности, как многим представлялось поначалу*. Никакого радостного слияния не произошло и не могло произойти. В этом напряженном диалоге Пушкину, пушкинскому отведена важнейшая нагрузка — при встрече разнородного. Должно быть преодолено то, что Д.С. Мережковский определял как «убыль пушкинского духа» (это он отмечал еще в 90-х годах XIX столетия).

Совершенно ясно, что в культурном диалоге проистекающего пушкинский контрапункт необходим, как сама жизнь. **Пушкин соединяющий...**

Закономерно, что ныне в отечественной пушкинистике стали появляться статьи о религиозности и, более того, православно-сти поэзии Пушкина — то, что страстно звучало в Русском Зарубежье еще 65 — 70 лет назад: «Для Пушкина поэтическое вдохновение было... подлинным религиозным откровением», недаром академик Д.С. Лихачев среди самых интересных для него книг совсем недавно назвал «Этюды о Пушкине» С.Л. Франка.

Но трудное обретение целостности русской культуры — в перспективе *сопровождается одновременно, если говорить откровенно, также страстным разделением, усиливающимися тенденциями к отмежеванию (осознанно или неосознанно), к раздроблению, в пагубном стремлении предъявить единые права (то есть права того или иного направления) на высшую культуру*. И тут без отношения